

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ

<https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2026-3-6>

УДК 339.727.22

JEL F21

В. А. Аватков ^{a, б)}, З. П. Рожкова ^{б)}^{а, б)} Институт научной информации по общественным наукам РАН, г. Москва, Российская Федерация**Инвестиционные стратегии Китая и Турции в Средней Азии:
сравнительный анализ¹**

Аннотация. Средняя Азия в последние годы становится крупным реципиентом иностранных инвестиций в связи с выгодным географическим и геополитическим положением, позицией центра на пути торговых путей и наличием богатых природных ресурсов. Особенно активными инвесторами сегодня являются Россия, Китай и Турция. Статья посвящена анализу инвестиционной политики Пекина и Анкары в Средней Азии и выявлению принципиальных качественных различий между инвестиционными моделями двух стран. Китай проводит преимущественно государственноцентричную инфраструктурно-сырьевую модель, целью которой является долгосрочная интеграция стран региона в китайские цепочки поставок и проекты. Турция использует более гибкую модель, которая в первую очередь представляет собой «мягкую силу» — гуманитарные институты, культурные и идеологические связи. Методика включает в себя изучение ежегодных отчетов соответствующих органов и статистических агентств на государственных языках Китая, Турции, Казахстана, Узбекистана, Таджикистана, Кыргызстана, Туркменистана за 20 лет — с 2004 по 2024 г. Такой анализ позволяет выделить факторы роста и снижения инвестиций Китая и Турции в регионе. В конце статьи используется сравнительный подход для изучения сходств и различий в инвестиционной политике Пекина и Анкары, делается вывод о возможности столкновения стратегических интересов двух государств в Средней Азии, поскольку помимо экономической заинтересованности Китай и Турция имеют идейно-ценностные мотивы и платформы продвижения своих интересов (инициатива «Один пояс — один путь» / Организация тюркских государств). Исследование влияния Китая и Турции на экономики стран Средней Азии позволяет выявить сходства и отличия двух инвестиционных стратегий: совпадение заключается в сферах инвестирования, а отличие в том, что китайская модель — более государственно-инфраструктурная, а турецкая — диверсифицированная, институциональная, гуманитарная. Результаты анализа могут быть использованы для проектирования внешнеполитической и внешнеэкономической политики Российской Федерации в отношении Средней Азии, выявления приоритетных направлений, дискурсивных тенденций и перспективных проектов.

Ключевые слова: инвестиции, Китай, Турция, Средняя Азия, внешнеэкономическая политика, фонды

Для цитирования: Аватков, В. А., Рожкова, З. П. (2026). Инвестиции Китая и Турции в Средней Азии: сравнительный анализ. *Экономика региона*, 22(3), 552–566. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2026-3-6>

¹ © Аватков В. А., Рожкова З. П. Текст. 2026.

RESEARCH ARTICLE

Vladimir A. Avatkov ^{a)}, Zlata P. Rozhkova ^{b)}^{a, b)} Institute of Scientific Information on Social Sciences of RAS, Moscow, Russian Federation

Investment Strategies of China and Turkey in Central Asia: Comparative Analysis

Abstract. Central Asia has become a major destination for foreign investment, owing to its strategic location, role in regional trade, and abundant natural resources. Russia, China, and Turkey are among its most active investors. Against this backdrop, this article analyzes the investment policies of China and Turkey and identifies key qualitative differences between their investment models. Particular attention is paid to the specific mechanisms and conditions for attracting investment in the region. The methodology combines a review of annual reports and statistical data from relevant government authorities and statistical agencies in the national languages of China, Turkey, Kazakhstan, Uzbekistan, Tajikistan, Kyrgyzstan, and Turkmenistan. These data are used to identify the factors driving fluctuations in Chinese and Turkish investment in the region. A comparative approach is then used to examine similarities and differences in the investment policies of Beijing and Ankara. The findings indicate that the two countries may increasingly compete strategically in Central Asia, as their engagement is driven not only by economic interests but also by ideological and value-based agendas and platforms, including the Belt and Road Initiative and the Organization of Turkic States. The analysis reveals both similarities and differences between Chinese and Turkish investment strategies. While the two models overlap in terms of the sectors targeted for investment, they differ in their underlying approaches: the Chinese model is more strongly oriented toward state-led infrastructure projects, whereas the Turkish model is more diversified and combines institutional, commercial, and humanitarian engagement. The findings can inform Russia's foreign policy and international economic engagement in Central Asia by identifying priority areas, emerging policy trends, and promising projects.

Keywords: investments, China, Turkey, Central Asia, foreign economic policy, funds

For citation: Avatkov, V. A., & Rozhkova, Z. P. (2026). China and Turkey's Investments in Central Asia: Comparative Analysis. *Ekonomika regiona / Economy of regions*, 22(3), 552–566. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2026-3-6>

Введение

После распада Советского Союза и обретения независимости республики Средней Азии стали объектами политических и экономических интересов внерегиональных акторов. Первой свою активность проявила Турецкая Республика, признав суверенитет новообразованных государств, а затем начав активно инвестировать и вовлекать их в турецкие проекты. Китай «зашел» в регион значительно позже — стимулом для сотрудничества стал запуск инициативы «Один пояс — один путь». Со временем проекты обоих государств стали касаться смежных сфер: энергетики, обрабатывающей промышленности, ресурсов, что говорит о наличии «конфликтного поля интересов» и о возможности столкновения держав в регионе.

Несмотря на значительный объем исследований, затрагивающий инвестиционные политики Китая и Турции в Средней Азии, большинство из них рассматривают их отдельно. Как правило, взаимодействие изучается по сферам: через торговые, энергетические или гуманитарные инициативы.

Целью статьи является выявление сходств и различий инвестиционных стратегий Китая и Турции в государствах Средней Азии. Для реализации исследуются объемы и динамика прямых иностранных инвестиций (ПИИ), отраслевое и географическое распределение инвестиций, а также механизмы долгосрочного влияния

в регионе. Гипотезой исследования является следующий тезис: если происходит пересечение интересов в сферах инвестирования (промышленность, энергетика, и т. д.), модели инвестиционных стратегий Китая и Турции различаются по механизмам реализации.

Методика исследования

Китайское инвестиционное, экономическое присутствие в Средней Азии исследуется в научных статьях российских ученых С.А. Луконина, Я.В. Лексютинной, Е.П. Ионовой, Д.Б. Малышевой, узбекского ученого В.В. Парамонова. Упомянутые авторы рассматривают влияние КНР сквозь призму энергетики, инфраструктуры в рамках инициативы «Один пояс — один путь». Турецкую модель влияния в регионе изучают В.А. Аватков, С.А. Притчин, Ю.М. Почта. Основное внимание ученые уделяют идейно-ценностному фактору турецкой внешней политики. Тем не менее, сравнительный анализ моделей влияния внешних акторов в Средней Азии остается недостаточно разработанным.

Исследование проводилось на стыке и сочетании подходов международной политэкономии, неореализма и концепции «мягкой силы». В контексте международной политэкономии инвестиционная политика рассматривается не только как экономический инструмент, но и как механизм расширения политического влияния в ре-

гионе. Неореалистический подход использовался при анализе подходов Пекина и Анкары к наращиванию своего присутствия в регионе и потенциальной конкуренции за инвестиционные проекты и ресурсы. Концепция «мягкой силы» применялась для изучения идейно-ценностных компонентов политики Китая и Турции в Средней Азии. В частности, рассматривались TÜRKSOY, Организация тюркских государств, Институты Конфуция и др. как платформы для формирования долгосрочного политического влияния.

В рамках данного исследования проводилось изучение большого числа статистических данных на китайском, турецком, узбекском, казахском, кыргызском языке (ежегодные статистические бюллетени Министерства коммерции КНР, Национального бюро статистики, официальных данных Министерства торговли Турции, государств Средней Азии, данных ЕАБР и др.). При этом важно отметить, что ограничением исследования является различная степень доступности статистики по Турции и государствам-реципиентам: Китай публикует детализированные данные по каждой стране, тогда как Турция зачастую приводит статистику сразу по всему региону, в связи с чем необходимо соотносить оценки с публикациями статистических агентств республик Средней Азии. Традиционный и формализованный контент-анализ документов позволил выявить факторы роста и снижения инвестиций в Среднюю Азию, приоритетные страны и сферы. Метод сравнительного анализа позволил обнаружить точки пересечения стратегических интересов Китая и Турции в регионе и прийти к выводу о наличии в регионе идейно-ценностного подхода Пекина и Анкары.

Результаты

Китайская модель инвестиций в Средней Азии

Сопредельные регионы — приоритет внешнеэкономической деятельности КНР. В Средней Азии Пекин выделяет партнеров первого и второго эшелона: к первому относятся государства с общей границей (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан), ко второму — Узбекистан и Туркменистан (Луконин, 2015).

Активное присутствие Китая в регионе началось после запуска глобальной инициативы «Один пояс — один путь» в 2013 г. Основными секторами, в которые вкладывает средства Пекин, являются транспорт и логистика, энергетика (в последние годы идет наращивание проектов в области ВИЭ), обрабатывающая промышленность (Ли, 2022).

Ниже представлены результаты анализа ежегодных отчетов по объемам ПИИ Китая в Среднюю Азию (табл. 1), публикуемых Министерством коммерции, Национальным бюро статистики

и Государственным управлением валютного контроля, в разрезе всех пяти республик региона.

На основе этих данных можно сделать следующие выводы.

1. Рост прямых инвестиций по странам за 20 лет: Казахстан (+24854 %), Узбекистан (+52041 %), Таджикистан (+8289 %), Кыргызстан (+7012 %), Туркменистан (+1189750 %).

2. Заметны резкие скачки роста и падения, что связано с политической ситуацией, ценами на сырье и крупными инфраструктурными проектами.

Анализ по странам:

1. Казахстан. Наибольшие ПИИ в регионе. Пик (2012–2014 гг.) связан с инвестициями в нефтегазовый сектор (месторождение Кашаган, проекты с КНК), запуском инициативы «Один пояс — один путь» (Сазонов и др., 2024). Снижение в 2015 г. связано с девальвацией тенге и падением цен на нефть, в 2020 г. — с влиянием пандемии COVID-19. Новый рост в 2023 г. — восстановление после ковидных ограничений, новые проекты в энергетике и логистике.

2. Узбекистан. До 2015 г. — низкий рост в связи с политикой изоляции и выборочным привлечением инвестиций первого президента Узбекистана И.А. Каримова. Рост 2018–2022 гг. обусловлен политикой «открытости» и диверсификацией связей второго президента Узбекистана Ш.М. Мирзиёева (инвестиции в энергетiku, химическую промышленность, транспорт) (Курылев и др., 2022). Снижение 2023–2024 гг. связано с завершением крупных сделок, внутренними экономическими реформами.

3. Таджикистан. Постепенный рост до 2016 г. Рост 2018–2023 гг. связан с инвестициями в гидроэнергетику и горнодобывающую отрасль.

4. Кыргызстан. Стабильный рост до 2015 г., затем колебания. Пик — 2014–2015 гг., инвестиции в энергетiku и золотодобычу. После 2020 г. — снижение под влиянием пандемии и внутриполитической нестабильности.

5. Туркменистан. Наблюдается прямая зависимость от цен на газ. Низкий показатель инвестиций до 2008 г., затем резкий рост за счет строительства газопровода в Китай и проектов в химической отрасли.

Таким образом, можно выделить факторы роста и снижения инвестиций Китая в регионе.

Факторы роста: реализация проектов в рамках инициативы «Один пояс — один путь» (Лексютин, 2020), политическое сближение с КНР, потребность КНР в энергоресурсах региона.

Факторы снижения: падение цен на нефть, газ, металлы, экономические кризисы (2008, 2015, 2020), рост внешних долгов стран-получателей, политическая нестабильность в странах-реципиентах (Притчин, 2025).

Таблица 1
Объем прямых иностранных инвестиций Китая в Среднюю Азию на конец каждого года (2004–2024 гг.), млн долл.
Table 1

Volume of Chinese Foreign Direct Investment in Central Asia at the End of Each Year (2004–2024), USD million

Год	Казахстан	Узбекистан	Таджикистан	Кыргызстан	Туркменистан
2004	24,78	4,23	21,54	19,26	0,20
2005	245,24	11,98	22,79	45,06	0,20
2006	276,24	14,97	30,28	124,76	0,16
2007	609,93	30,82	98,99	139,75	1,42
2008	1402,30	77,64	227,17	146,81	88,13
2009	1516,21	85,22	162,79	283,72	207,97
2010	1590,54	83,00	191,63	394,32	658,48
2011	2858,45	156,47	216,74	525,05	276,48
2012	6251,39	146,18	476,12	662,19	287,77
2013	6956,69	197,82	599,41	885,82	253,23
2014	7541,07	392,09	728,96	984,19	447,60
2015	509,546	882,04	909,09	1070,59	133,04
2016	5432,27	1057,71	1167,03	1237,82	249,08
2017	7561,45	946,07	1616,09	1299,38	3427,20
2018	7341,08	3689,88	1944,83	1393,08	3119,30
2019	7254,13	3246,21	1946,08	1550,03	2265,60
2020	5869,37	3264,64	1568,01	1767,33	3364,70
2021	7487,43	2807,72	1627,22	1531,42	2941,70
2022	6978,69	4508,13	1892,89	1537,01	2252,40
2023	7909,74	2474,96	2288,87	1484,59	4242,80
2024	6183,67	2205,58	1806,91	1369,81	2379,70

Источник: составлено авторами на основе ежегодных отчетов, публикуемых Министерством коммерции КНР.

¹ 商务部、国家统计局和国家外汇管理局联合发布《2024年度中国对外直接投资统计公报》，《2023年度中国对外直接投资统计公报》，《2022年度中国对外直接投资统计公报》，《2021年度中国对外直接投资统计公报》[Министерство коммерции, Национальное бюро статистики и Государственное управление валютного контроля совместно опубликовали «Статистический бюллетень по прямым иностранным инвестициям Китая за 2024 год», «Статистический бюллетень по прямым иностранным инвестициям Китая за 2023 год», «Статистический бюллетень по прямым иностранным инвестициям Китая за 2022 год» и «Статистический бюллетень по прямым иностранным инвестициям Китая за 2021 год»]. 中华人民共和国商务部网 [Сайт министерства коммерции КНР]. URL: <https://fec.mofcom.gov.cn/article/tjsj/tjgb/> (дата обращения: 04.01.2026).

Объем накопленных прямых инвестиций Китая в страны региона (на первую половину 2025 г.) составил 35,9 млрд долл., при этом около 90 % вложений приходятся на Казахстан, Узбекистан и Туркменистан (рис. 1).

Активно расширяется и присутствие китайского бизнеса в регионе, функционирующее в разных секторах экономики (рис. 2). При этом, несмотря на общую границу и ряд энергетических и логистических проектов, китайских компаний в Кыргызстане и Таджикистане в 7,9 раз меньше, чем в Казахстане и Узбекистане.

Крупнейшие китайские компании и корпорации, функционирующие в Средней Азии:

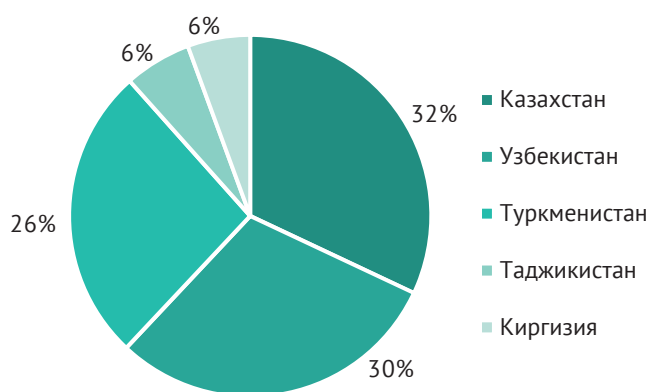
1. Энергетика: China Poly Group, China Electric, China Southern Power Grid International, China Power International Holding Ltd. CNPC (China National Petroleum Corporation) является ключевым инвестором в регионе. В Туркменистане компания разрабатывает месторождение «Багтыярлык», в Узбекистане прямые вложения CNPC превысили 5 млрд долл. (соглашения по строительству газохранилищ и модернизации инфраструктуры), также крупные проекты

в Казахстане (акции месторождения в Кашагане, ветроэлектростанция и заводы в Актобе).

2. Транспорт: China Road and Bridge Corporation (CRBC), China Railway Tunnel Group Co., Ltd., Sino-Pipeline International Company Limited, и др. (Луконин, 2015). Акцент идет на автомобильную промышленность (производство и продажи): Chery, JAC, Changan, Haval наращивают присутствие в регионе и строят здесь сборочные заводы.

3. Сырье и ресурсы: China Minmetals Corporation, Jinchuan Group, Zijin Mining.

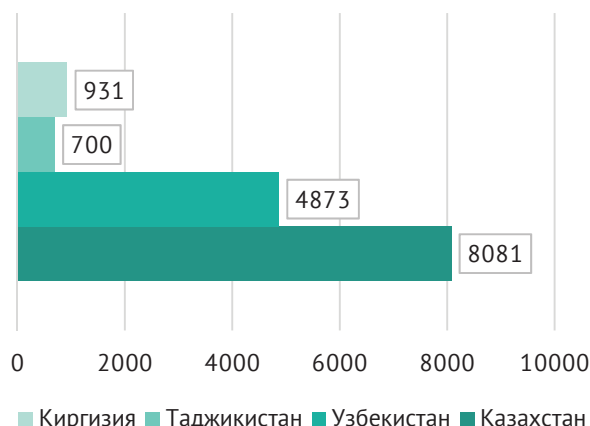
Важной особенностью сотрудничества между Китаем и государствами Средней Азии является стратегическое согласование ключевых планов и инициатив в сфере экономического и инвестиционного развития. Таким образом, инициатива «Один пояс — один путь» сопрягается с новой экономической политикой Казахстана, Национальной программой развития Кыргызстана до 2026 г., Национальной стратегией развития Таджикистана на период до 2030 г., стратегией «Возрождение Шёлкового пути» Туркменистана и Стратегией развития

Рис. 1. Объем накопленных прямых инвестиций Китая в республиках Средней Азии (источник: составлено авторами на основе отчета «Китай и Евразийский регион: анализ инвестиционных потоков на основе Мониторинга взаимных инвестиций ЕАБР»¹)

Fig. 1. Accumulated Chinese direct investment in the Central Asian republics (Source: compiled by the authors based on the report "China and the Eurasian Region: Analysis of Investment Flows Based on the EDB Mutual Investment Monitoring")

¹ Евразийский банк развития. (2025, 25 декабря). Китай и Евразийский регион: анализ инвестиционных потоков на основе Мониторинга взаимных инвестиций ЕАБР. URL: <https://eabr.org/analytics/special-reports/china-and-the-eurasian-region-analysis-of-investment-flows/> (дата обращения: 02.01.2026).

Рис. 2. Количество зарегистрированных и действующих юридических лиц, филиалов и филиалов китайских юридических лиц по странам (источник: составлено авторами на основе данных статистических агентств государств Средней Азии^{1,2})

Fig. 2. Number of registered and operating legal entities, branches and affiliates of Chinese legal entities by country (source: compiled by the authors based on data from statistical agencies of the Central Asian states)

¹ Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. (2026, 15 января). Основные показатели количества субъектов в Республике Казахстан (на 1 января 2026 г.). URL: https://stat.gov.kz/ru/industries/business-statistics/stat-org/publications/280453/?sphrase_id=1593597 (дата обращения: 06.01.2026).

² Национальный комитет Республики Узбекистан по статистике. (2025, 15 декабря). Количество предприятий с участием иностранного капитала в Узбекистане достигло 17,9 тыс. URL: <https://stat.uz/ru/press-tsentr/novosti-goskomstata/65715-zbekistonda-chet-el-kapitali-ishtirokidagi-korkhonalar-soni-17-9-mingta-etdi-3> (дата обращения: 07.01.2026).

нового Узбекистана на 2022–2026 гг. Китай крайне заинтересован в расширении сотрудничества со Средней Азией (Парамонов, 2024). Так, Председатель КНР Си Цзиньпин в ходе саммита «Центральная Азия — Китай» объявил о выделении гранта в 205 млн долл. для государств региона.

Инвестиции Китая в Казахстан

По состоянию на 2025 г. накопленные прямые инвестиции Китая в Казахстане достигли 11,4 млрд долл., а число активных проектов — 71. Таким образом, Казахстан остается крупнейшим реципиентом китайских прямых инвестиций. Секторы, в которые инвестирует Китай в Казахстане: сырьевой сектор составляет 46 % (5,2 млрд долл.), обрабатывающая промышленность — 18 % (2,1 млрд долл.), энергетический сектор — 7 % (815 млн долл.) (Tumatay et al., 2024). В сентябре 2025 г. Банк развития Казахстана (БРК) и Эксимбанк Китая подписали соглашение о кредитной линии на 1 млрд долл. для китайских инвестпроектов на территории Казахстана. Стороны имеют различные платформы инвестиционного взаимодействия на разных уровнях (табл. 2).

В свободной экономической зоне (СЭЗ) «Хоргос — Восточные ворота» в 2026 г. должно завершиться строительство завода по производству ветрогенераторов и систем накопления энергии. Это совместный проект «Казахстанских коммунальных систем» и китайской компании Envision Energy, оцениваемый в 40 млн долл. Ожидается, что 60 % производимой продукции будет направлено на казахстанский рынок, а 40 % — на экспорт в государства Средней Азии и Кавказа.

Другие крупные проекты последних лет:

1. Китайская компания Fufeng Group инвестирует в строительство завода (около 800 млн долл.), который сможет перерабатывать до 1 млн тонн кукурузы в год. Проект создаст более 1500 рабочих мест;

2. Xinjiang Lihua Group Co., Ltd. создаст целый хлопковый кластер в Туркестанской области стоимостью 420 млн долл. Проект охватывает весь цикл — от выращивания хлопка до его глубокой переработки и производства готовой текстильной продукции. Планируется создание более 4000 рабочих мест;

Таблица 2

Платформы инвестиционного взаимодействия Китая и Казахстана

Table 2

Platforms for Investment Cooperation Between China and Kazakhstan

Платформа	Название	Функции
Финансовые институты и фонды	Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ)	Международная финансовая организация. Китай — основной акционер и совладелец, Казахстан — один из крупнейших заемщиков. Финансирование инфраструктурных проектов
	Фонд «Шелковый путь»	Инвестиции в проекты в рамках инициативы «Один пояс — один путь»
	Китайские государственные банки (ICBC, Bank of China, China Construction Bank)	Имеют представительства в странах региона, предоставляют кредиты
	Казахстанско-Китайский фонд сотрудничества	Совместный фонд БРК (Банк Развития Казахстана, сейчас часть холдинга «Байтерек») и китайской CITIC Group
	Казахстанско-Китайский Деловой Совет	Диалоговая площадка для представителей бизнес-кругов, инструмент развития торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества
Специальные инвестиционные платформы и специальные экономические зоны	Совместный индустриальный парк «Хоргос — Восточные ворота»	Особая экономическая зона на границе для привлечения инвестиций и упрощения торговых проектов
	СЭЗ «Национальный индустриальный нефтехимический технопарк» в Атырау	Основной резидент — совместное предприятие с китайской Sinopec по производству полипропилена
	СЭЗ «Парк инновационных технологий» в Алматы	Специализация: IT и технологии. Привлекает инвестиции китайских технологических компаний
	Индустриальная зона «Костанай»	Профиль: агропромышленный комплекс и машиностроение. Привлечение китайских инвестиций в области сельского хозяйства

Источник: составлено авторами.

3. TBEA Company Limited построит солнечную электростанцию мощностью 1000 МВт и завод по производству трансформаторов. Также планируется строительство угольной ТЭЦ мощностью 1320 МВт для теплоснабжения города Алатау. Общий объем инвестиций составит 3,7 млрд долл.

По состоянию на 1 января 2026 г. в Казахстане зарегистрировано 8081 юридическое лицо, филиал и филиал китайских юридических лиц (из них 6356 — действующие), с совместной формой собственности — 1171 (действующих — 940)¹. Информативным для изучения этой сферы является Отчет о развитии китайских предприятий в Казахстане за 2023–2024 гг., подготовленный на китайском языке Межрегиональным объединением китайских торговых палат за рубежом и Генеральной торговой палатой Китая в Казахстане. В частности, в нем указывается, что компания CNPC за 26 лет инвестировала в Казахстан более 45 млрд долл.²

¹ Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. (2026, 15 января). Основные показатели количества субъектов в Республике Казахстан (на 1 января 2026 г.). URL: https://stat.gov.kz/ru/industries/business-statistics/stat-org/publications/280453/?sphrase_id=1593597 (дата обращения: 06.01.2026).

² 哈萨克斯坦中国总商会 [Палата китайских предприятий в Казахстане], & 境外中资企业商(协)会联席会议 [Объединенный комитет зарубежных китайских торгово-промышленных палат]. (2024). 中资企业在哈萨克斯坦发展报告 (2023–2024) [Отчет о развитии китайских предприятий в Казахстане (2023–2024)]. 中国投资指南网. URL: <https://fdi.mofcom.gov.cn/> (дата обращения: 17.01.2026).

Инвестиции Китая в Узбекистан

После 2022 г. Узбекистан стал вторым крупнейшим реципиентом накопленных инвестиций из Китая в регионе (Рогожин, 2023). Ежегодный рост ПИИ КНР в эту страну колеблется в пределах 40–50 %. Заинтересованность в стране связана не только с географическим положением или улучшением инвестиционного климата, но и с наличием, как называют это китайские эксперты, «4 видов золота»: хлопка, нефти, золота, природного газа — то есть нужных Пекину ресурсов³ (Ионова, 2024). В первом полугодии 2025 г. инвестиции достигли 10,7 млрд долл. Секторы, в которые инвестирует Китай в Узбекистане: энергетический сектор — 51 % (5,5 млрд долл.), обрабатывающая промышленность — 31 % (3,3 млрд долл.), сырьевая промышленность — около 3 %.

Китай в 2024 г. впервые за всю историю опередил Россию по количеству предприятий с иностранным капиталом в Узбекистане (Рожкова, 2024). По состоянию на 15 декабря 2025 г. в стране действовало 17 900 компаний с участием иностранных инвестиций, из них

³ 民生证券研究院 [Научно-исследовательский институт Minsheng Securities]. (2023). 建筑“一带一路”专题报告：中亚五国—经济、基建、新能源与投资机遇分析 [Аналитический отчет по строительной отрасли в рамках «Одного пояса, одного пути»: Пять стран Центральной Азии — анализ экономики, инфраструктуры, новой энергетики и инвестиционных возможностей], 34.

4873 — с китайскими¹. В Узбекистане действует Ассоциация китайских предпринимателей Узбекистана, которая объединяет более 700 компаний с китайским капиталом, содействуя развитию двусторонней торговли и инвестиций в рамках инициативы «Один пояс, один путь» (Gonca & Kodaman, 2016). Кроме того, функционирует Узбекско-Китайская торговая ассоциация совместно с China Campus Network, которая специализируется на цифровой экономике, электронной коммерции и технологическом сотрудничестве (Хуррамов & Гулямова, 2025).

Новые проекты инвестиционного сотрудничества:

1. Китай предложил создать инвестиционный фонд с капиталом в 500 млн долл. для зелёных проектов в республике;

2. Инвестиции Пекина в строительство цементных заводов компании Anhui Conch Cement в Ташкентской области (стоимостью 200 млн долл.), компании Huaxin Cement в Джизакской области (150 млн долл.) и компании Hengyuan Cement в Самаркандской области (420 млн долл.);

3. Крупнейшим проектом стал комплекс по производству олефина в Бухаре за 3,3 млрд долл., который реализуют Sinopet и Saneg. Его реализация начнется в 2026 г.

Инвестиции Китая в Таджикистан

Накопленные прямые инвестиции Китая в Таджикистан в 2025 г. составили 2,2 млрд долл.² Китай стал страной, которая вкладывает наибольшие финансы в экономику Таджикистана. Инвестиции осуществляются в основном в сырьевые проекты и обрабатывающую промышленность: сырьевой сектор составляет 45 % (978 млн долл.), обрабатывающая промышленность — 42 % (911 млн долл.), энергетика — около 6 %.

В Таджикистане работает более 600 китайских компаний, большинство из них специализируется на добыче золота («Талко Голд» в Согдийской области при участии Tibet Huayu Mining), серебра, меди, производстве стройматериалов и цемента. Три китайских компании (Huaxin Cement, «Джунгтсай Мохир цемент» и «Хуаксин Гаюрг цемент»), работающие в цементной отрасли, производят 85 % от всего цемента в республике,

благодаря чему Душанбе стал крупнейшим экспортером цемента в регионе.

Китай активно инвестирует и в инфраструктурные проекты: строительство автомагистралей, тоннелей, линий электропередач (Ионова, 2019). При участии китайского капитала и бизнеса были построены дороги Душанбе — Чанак, Душанбе — Куляб, Душанбе — Турсунзаде, северо-южная линия электропередач высокого напряжения; тоннели «Шахристан», «Дусти», «Хатлон» и «Озоди»³.

Инвестиции Китая в Кыргызстан

Объем накопленных ПИИ из Китая в Кыргызстан составляет 2,1 млрд долл. (в первом полугодии 2025 г.)⁴ (рис. 3). Секторы, в которые вкладывает Китай в Кыргызстане: сырьевой сектор составляет 34 % (722 млн долл.), на обрабатывающую промышленность приходится 37 % (780 млн долл.).

Резкий рост в 2021 г. связан с восстановлением проектов после пандемии и новыми торговыми сделками. В 2023–2024 гг. прямые инвестиции стабилизировались на уровне примерно 283 млн долл.

Крупнейшими проектами являются:

1. Строительство солнечной электростанции (СЭС) на Иссык-Куле, общей мощностью 400 МВт. Финансирует и реализует китайский консорциум, включающий China Power International Development (CPID) и China Railway 20th Bureau Group (CR20G);

2. Строительство железной дороги Китай — Кыргызстан — Узбекистан. Стоимость строительства оценивается в 4,7 млрд долл. Половину этой суммы профинансируют страны-участницы в соответствии с долями в проекте. Доли Узбекистана и Кыргызстана составят по 24,5 %, оставшиеся 51 % будут принадлежать Китаю. Еще 2,35 млрд долл. выделит Пекин в виде некоммерческого кредита.

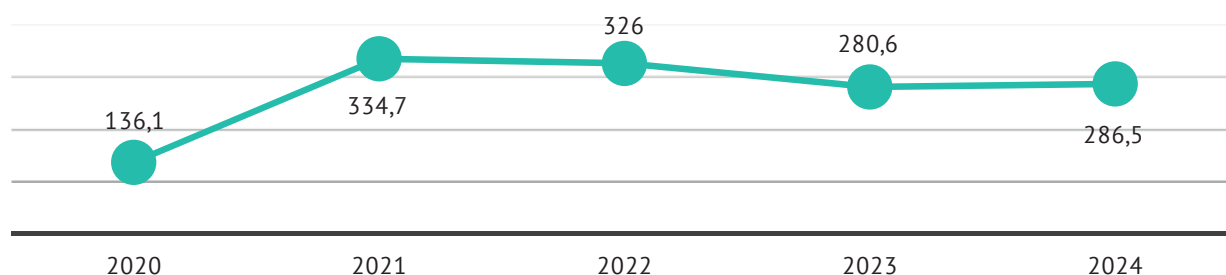
Кыргызстан намерен расширять торговое и инвестиционное сотрудничество с Пекином. В частности, руководство страны предложило Китаю создать кыргызско-китайский инвестиционный фонд с общим капиталом в 1 млрд долл. Кроме того, Кыргызстан активно создает специальные экономические зоны и промышленные

¹ Национальный комитет Республики Узбекистан по статистике. (2025, 15 декабря). Количество предприятий с участием иностранного капитала в Узбекистане достигло 17,9 тыс. URL: <https://stat.uz/ru/press-tsentr/novosti-goskomstata/65715-zbekistonda-chet-el-kapitali-ishtirokidagi-korkhonalar-soni-17-9-mingtaga-etdi-3> (дата обращения: 07.01.2026).

² Евразийский банк развития. (2025, 25 декабря). Китай и Евразийский регион: анализ инвестиционных потоков на основе Мониторинга взаимных инвестиций ЕАБР. URL: <https://eabr.org/analytics/special-reports/china-and-the-eurasian-region-analysis-of-investment-flows/> (дата обращения: 02.01.2026).

³ Агентство «Анадолу». (2024, 11 ноября). Китай стал крупнейшим инвестором в экономику Таджикистана. URL: <https://www.aa.com.tr/ru/экономика/китай-стал-крупнейшим-инвестором-в-экономику-таджикистана/3390839> (дата обращения: 30.12.2025).

⁴ Евразийский банк развития. (2025, 25 декабря). Китай и Евразийский регион: анализ инвестиционных потоков на основе Мониторинга взаимных инвестиций ЕАБР. URL: <https://eabr.org/analytics/special-reports/china-and-the-eurasian-region-analysis-of-investment-flows/> (дата обращения: 02.01.2026).

Рис. 3. Прямые инвестиции Китая в Кыргызстан (2020–2024 гг.), млн долл. (источник: составлено авторами на основе данных Национального статистического комитета Кыргызстана¹)

Fig. 3. China's direct investment in Kyrgyzstan (2020–2024), USD million (source: compiled by the authors based on data from the National Statistical Committee of Kyrgyzstan)

¹ Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. (б. д.). Поступление прямых иностранных инвестиций из стран вне СНГ. URL: <https://stat.gov.kg/ru/opendata/category/5957/> (дата обращения: 10.01.2026).

парки для привлечения инвестиций, среди них СЭЗ «Бишкек» (более 50 % резидентов — китайские компании в области легкой промышленности); СЭЗ «Нарын», которая создана в том числе для расширения китайских инвестиций, с учетом близости к границе и инфраструктуре проект считается перспективным.

Инвестиции Китая в Туркменистан

Объем накопленных ПИИ Китая в Туркменистан в 2025 г. достиг 9,5 млрд долл. Инвестиционные потоки активизировались после 2016 г., когда начали расширяться энергетические проекты. Оценки даются приблизительные, поскольку нет открытых отчетов о количестве китайских компаний и их проектах, точных суммах инвестиций. Энергетический сектор занимает около 85 %, транспорт и логистика — 8 %, телекоммуникации и связь — 2 %, строительство — 1 %. В 2022 г. подписано соглашение CNPC с Turkmenagaz по обеспечению и обслуживанию скважин. CNPC финансирует проект из собственных средств, а структура возврата реализуется через сырьевые ресурсы. На III заседании туркмено-китайской рабочей группы по инвестиционному сотрудничеству было заявлено, что уже к 2024 г. китайские компании инвестировали в проекты Туркменистана 4,18 млрд долл.¹

Отмечается заинтересованность обоих государств в расширении сотрудничества. Так, в марте 2025 г. в Пекине прошел деловой форум «Международный год мира и доверия: Конференция по продвижению инвестиций в Туркменистане», организованный Посольством Туркменистана в КНР совместно с Китайской ассоциацией по развитию предприятий за рубежом. Цель мероприятия — раскрытие инве-

стиционного потенциала Туркменистана для 40 китайских компаний — членов Ассоциации.

Турецкая модель инвестиций в Средней Азии

Объем накопленных прямых инвестиций Турции в страны региона (на первую половину 2024 г.) составил 2,9 млрд долл.² При этом чистый совокупный приток иностранного капитала в регион продолжил начавшееся в 2023 г. снижение. Фактически негативная динамика показателя имела только у Казахстана (–2,55 млрд долл. против +3,71 млрд долл. в 2023 г.). У Киргизии чистый приток ПИИ увеличился в 4,4 раза (705 млн долл.), у Таджикистана — в 2,1 раза (291 млн долл.), у Узбекистана — в 1,3 раза (2,8 млрд долл.), а у Туркменистана — в 1,2 раза (1,6 млрд долл.)³. Несмотря на то, что объем турецких инвестиций значительно уступает российским и китайским, китайские компании представлены в широком спектре отраслей (рис. 4).

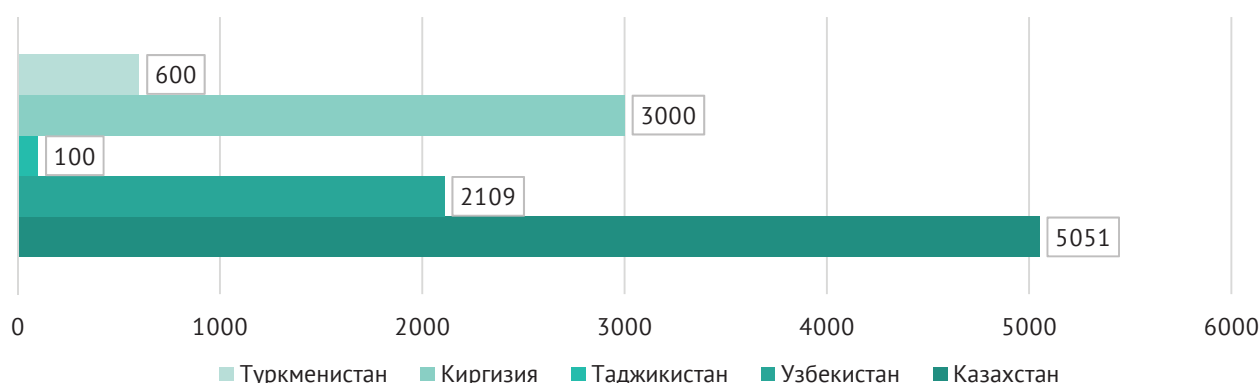
Крупнейшие турецкие компании и корпорации, функционирующие в Средней Азии (Притчин, 2024):

- строительство: YDA Group, Alarko Holding;
- агропром: Tiryaki Agro (переработка зерна);
- энергетика: Esan (Eczacibasi Holding);
- химическая промышленность: Koyuncu Group;
- производство: Borsan, Isiklar Holding;
- инфраструктура / транспорт: Gurmak Demiryolu;
- финансовый сектор: турецкие банки (Ziraat Bankasi, VakifBank), и др.

² Евразийский банк развития. (2025, 15 октября). Мониторинг ЕАБР: Накопленные прямые инвестиции Китая, Турции и стран Залива в Евразийский регион достигли 87 млрд долларов. URL: <https://eabr.org/press/releases/monitoring-eabr-nakoplennye-priyamyie-investitsii-kitaya-turtsii-i-stran-zaliva-v-evraziyskiy-region-d/> (дата обращения: 20.12.2025).

³ Рейтинговое агентство «Эксперт». (2025, 28 июля). Прямые иностранные инвестиции в Центральную Азию в 2024 году: караваны капитала меняют маршруты. URL: https://raexpert.ru/researches/direct_invest_asia_2024/ (дата обращения: 25.12.2025).

¹ Бизнес Туркменистан. (2024, 15 октября). Китайские предприятия инвестировали \$4,18 млрд в проекты Туркменистана. URL: <https://business.com.tm/ru/post/12537/kitaiskie-predpriyatiya-investirovali-418-mlrd-v-proekty-turkmenistana> (дата обращения: 30.12.2025).

Рис. 4. Количество юридических лиц с участием турецкого капитала в государствах Средней Азии (по оценкам на 2023–2025 гг.) (источник: составлено авторами на основе данных статистических агентств государств Средней Азии^{1,2})

Fig. 4. Number of legal entities with Turkish capital participation in the Central Asian states (estimated for 2023–2025) (source: compiled by the authors based on data from statistical agencies of the Central Asian states)

¹ Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. (2026, 15 января). Основные показатели количества субъектов в Республике Казахстан (на 1 января 2026 г.). URL: https://stat.gov.kz/ru/industries/business-statistics/stat-org/publications/280453/?sphrase_id=1593597 (дата обращения: 06.01.2026).

² Национальный комитет Республики Узбекистан по статистике. (2025, 15 декабря). Количество предприятий с участием иностранного капитала в Узбекистане достигло 17,9 тыс. URL: <https://stat.uz/ru/press-tsentr/novosti-goskomstata/65715-zbekistondachet-el-kapitali-ishtirokidagi-korkhonalar-soni-17-9-mingtaga-etdi-3> (дата обращения: 07.01.2026).

Отличительной чертой турецких инвестиций в регион является скорее не экономическая выгода, а идеологическая. Турция была первой страной, не только признавшей новые независимые республики, но и предоставившей им серьезную финансовую поддержку для формирования государственности. Анкара стремилась привлечь страны региона в свою сферу влияния — президент Т. Озал говорил о превращении Турции в державу «от Адриатического моря до Великой Китайской стены». Однако резкое повышение влияния Анкары не всегда встречало поддержку у местных элит (например, на этой почве к концу 1990-х гг. наметилось охлаждение отношений Турции и Узбекистана) (Рожкова, Мишин, 2025).

Тем не менее, Анкара сформировала ряд органов для выстраивания взаимодействия со Средней Азией. В 1992 г. было основано турецкое Агентство по сотрудничеству и координации (TİKA; Türk İşbirliği ve Koordinasyon Ajansı), которое продвигало взаимодействие в области образования, информационных технологий, бизнеса, строительства, логистики. Другой платформой взаимодействия выступает Международная организация тюркской культуры (TÜRKSOY), основанная в 1993 г. Деятельность организации прежде всего направлена на сохранение культурных традиций, укрепление дружественных отношений между тюркскими народами и их сотрудничество. Однако TÜRKSOY занимается не только проведением выставок, концертов и фестивалей. Она организует научную деятельность, проведение круглых столов и исследований.

Качественно новый уровень во взаимодействии с регионом оформился в результате основания Тюркского совета (с 2021 г. — Организация

тюркских государств (ОТГ)). Цель организации — создание турецкого мира, а не тюркского (Почта, Гузаеров, 2024). Для этого создана масса подведомственных ОТГ организаций: Совет глав государств, Совет министров иностранных дел, Комитет старших должностных лиц и Совет старейшин (аксакалов), ряд ассоциированных институтов, таких как ТЮРКПА, Тюркская академия, и др. Турецкий бизнес заинтересован в инвестициях в регион, поскольку это приносит им самим государственную поддержку и преференции.

Таким образом, идеология пантюркизма институционализована и влияет на экономическое взаимодействие. Инвестиции и гуманитарные проекты Турции использовались как инструмент формирования «тюркского пространства». Есть целый ряд кейсов, где идеология превалирует над экономической целесообразностью. Особенно это прослеживалось в 1990-е гг., когда после распада СССР Турция активно открывала учебные заведения в экономически слабых районах, без соизмеримой финансовой выгоды и в условиях высоких затрат (это и стипендии, и сеть турецких лицеев в Казахстане и Киргизии). Цель Турции — формирование туркоцентричного пространства и «взрачивание» протурецкой лояльной элиты в регионе, а не только и не столько получение экономической выгоды.

Инвестиции Турции в Казахстан

Казахстан — крупнейший реципиент турецких прямых иностранных инвестиций (табл. 3).

Турция не публикует данные инвестиций по каждой стране региона. Она ранжирует

Таблица 3

Прямые иностранные инвестиции Турции в Казахстане и количество инвестиционных проектов

Table 3

Turkey's Foreign Direct Investment in Kazakhstan and the Number of Investment Projects

Год	Место среди всех стран-реципиентов	ПИИ, млрд долл.	Количество инвестиционных проектов
2018	25	0,222	46
2019	21	0,221	45
2020	19	0,317	56
2021	16	0,373	61
2022	10	0,831	52
2023	10	1,000	61
2024	10	1,110	62
2025	10	1,290	64

Источник: Türkiye'de Yerleşik Gerçek ve Tüzel Kişilerin Yurtdışındaki Yatırımları¹.

¹ Türkiye Cumhuriyeti Ticaret Bakanlığı. (2026, 19 Haziran). Türkiye'de yerleşik gerçek ve tüzel kişilerin yurtdışındaki yatırımları [Инвестиции за рубежом физических и юридических лиц, проживающих в Турции]. URL: <https://ticaret.gov.tr/hizmet-ticareti/yurtdisi-yatirimlar/uluslararasi-yatirim-istatistikleri/turkiyede-yerlesik-gercek-ve-tuzel-kisilerin-yurtdisindaki-yatirimlari> (дата обращения: 08.01.2026).

ет инвестиции только по регионам, при этом Средняя Азия входит в категорию «Другие страны Азии: Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан и все остальные страны Азии» (то есть все, кроме стран Ближнего Востока). В ежегодных отчетах (с 2018 г.) отмечается только Казахстан, поскольку он входит в топ-30 реципиентов.

По состоянию на 1 января 2026 г. в Казахстане зарегистрировано 5051 юридическое лицо, филиал и филиал турецких юридических лиц (из них 3272 — действующие), с совместной формой собственности — 736 (действующих — 473)¹. Крупнейшие инвесторы Турции: Yildirim Group, Aksa Energy, Borsan, Sembol Construction, YDA Group, Agrobrest Group, Iskefe Holding, и др. Преимущественно турецкие компании инвестируют в производство химических веществ, электроэнергетики, металлических изделий, мебели, пищевых продуктов, образование.

Основные инвестиционные проекты. Согласно «Общенациональному пулу инвестиционных проектов», в 2023 г. с участием турецких инвесторов реализованы следующие проекты²:

— строительство фабрики по переработке бобовых полного цикла (от сырья до упаковки) в Костанайской области;

— производство систем крепления рельсов в Алматинской области.

В настоящее время обсуждается реализация новых проектов: строительство комплекса по глубокой переработке зерна с участием турецкой Tiryaki Agro (производственная мощность составит 250 тыс. тонн переработанной пшеницы и 80 тыс. тонн гороха в год), строительство агрохимического комплекса по производству удобрений и пестицидов с участием турецкой компании YDA Group (мощность составит 150 тыс. т продукции в год)³.

Инвестиции Турции в Узбекистан

Между Турцией и Узбекистаном отмечается увеличение ПИИ. Турция вошла в тройку крупнейших инвесторов в экономику Узбекистана, заняв третье место после Китая и России. В 2023 г. прямые инвестиции Турции в Узбекистан составили 2,53 млрд долл.⁴

По словам турецких экспертов, «Узбекистан является очень привлекательной страной для турецких предпринимателей. Страна только начала процесс приватизации, а в прошлом году с ростом ВВП на 6,6 % вошла в число наиболее быстро развивающихся экономик мира»⁵ (Аватков, Рожкова, 2023). По данным Национального комитета статистики Узбекистана, по состоянию на 1 декабря 2025 г.

¹ Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. (2026, 15 января). Основные показатели количества субъектов в Республике Казахстан (на 1 января 2026 г.). URL: https://stat.gov.kz/ru/industries/business-statistics/stat-org/publications/280453/?sphrase_id=1593597 (дата обращения: 06.01.2026).

² Министерство национальной экономики Республики Казахстан. (2023, 3 ноября). Валовый приток прямых иностранных инвестиций из Турции. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/economy/press/news/details/647138?lang=ru> (дата обращения: 09.01.2026).

³ Forbes Kazakhstan. (2025, 25 июля). Турецкие инвесторы вложат 330 млрд тенге в АПК Казахстана. URL: <https://forbes.kz/articles/turetskie-investory-vlozhat-330-mlrd-tenge-v-apk-kazahstana-235508> (дата обращения: 14.01.2026).

⁴ Рейтинговое агентство «Эксперт». (2025, 28 июля). Прямые иностранные инвестиции в Центральную Азию в 2024 году: караваны капитала меняют маршруты. URL: https://raexpert.ru/researches/direct_invest_asia_2024/ (дата обращения: 25.12.2025).

⁵ Агентство «Анадолу». (2025, 17 января). Глава Делового совета DEİK: 2024 год стал успешным для торгово-экономических отношений Турции и Узбекистана. URL: <https://www.aa.com.tr/ru/мир/глава-делового-совета-deik-2024-год-стал-успешным-для-торгово-экономических-отношений-турции-и-узбекистана/3453670> (дата обращения: 15.01.2026).

в Узбекистане действуют 2109 предприятий с участием турецкого капитала, из них 487 — совместные и 1622 — иностранные. Большинство работают в сфере торговли, строительства или производства строительных материалов, сельского хозяйства и производства продуктов питания.

Крупнейшие проекты инвестиционного сотрудничества:

1. Турецкая компания Aksa Enerji выиграла международный тендер на управление и модернизацию распределительных электросетей Самаркандской области. Это первый в стране масштабный проект ГЧП с частным оператором по распределению, который будет управлять им до 30 лет. Планируемая сумма инвестиций — 1 млрд долл.¹;

2. Серия проектов по модели «строительство — эксплуатация — передача» на сумму 16 млрд долл. (строительство зданий, дорог, больниц, школ и электростанций);

3. В Зангиатинском районе начала работу узбекистанско-турецкая объединенная промышленная зона «Остим» (Ostim Global) площадью 100 га (кроме производственных объектов, там создадут торговый центр, поликлинику, школу, исследовательский центр и профессиональный колледж). Общая стоимость составляет 150 млн долл.

Инвестиции Турции в Таджикистан

За последние 20 лет Турция инвестировала около 300 млн долл. в Таджикистан. Кроме того, одно только Турецкое агентство по сотрудничеству и координации (ТИКА) реализовало более 100 проектов (на сумму около 30 млн долл.) (Demirkaya & Çelik, 2021). В настоящее время в Таджикистане насчитывается около 100 турецких предприятий².

ТИКА с 1995 года реализовало около 500 проектов в Таджикистане. Среди последних создание в Душанбе «Центра планирования карьеры», открытие лаборатории цифрового моделирования CezeriLAB, созданной ТИКА в Таджикском техническом университете, третьего Учебного центра информационных технологий в Душанбе³.

¹ Kun.uz. (2025, 19 ноября). Самаркандская область передаст электрические сети в управление турецкой компании на 30 лет. URL: <https://kun.uz/ru/news/2025/11/19/samarkandskaya-oblast-peredast-elektricheskiye-seti-v-upravleniye-turetskoj-kompanii-na-30-let> (дата обращения: 28.12.2025).

² Sputnik Таджикистан. (2017, 20 февраля). Таджикско-турецкая дружба пока не тянет на миллиард долларов. URL: <https://tj.sputniknews.ru/20170220/tovaroobmen-vneshnyaya-torgovlya-turtsiya-tadjikistan-1021731420.html> (дата обращения: 24.12.2025).

³ Агентство «Анадолу». (2023, 11 мая). ТИКА создал в Таджикистане «Центр планирования карьеры». URL: <https://www.aa.com.tr/ru/мир/tika-sozdal-v-tadjikistane-tsentr-planirovaniya-karyery-2894470> (дата обращения: 02.01.2026).

Инвестиции Турции в Кыргызстан

Посол Турции в Бишкеке Мекин Мустафа Кемаль Окем сообщил, что накопленные турецкие инвестиции в Кыргызстане превысили 1,4 млрд долл. (рис. 5).

Резкое падение 2023–2024 гг. связано с внутривластической ситуацией в Кыргызстане в это время: межэтнические беспорядки в Бишкеке, давление на гражданское общество, снижение добычи нефти и газа.

В Кыргызстане действуют около 360 турецких компаний в горнодобывающей промышленности, туризме, энергетике, строительстве и транспорте.

Основные проекты:

1. Инвестиционный холдинг Orta Asya Yatirim Holding и Правительство Кыргызской Республики заключили соглашение о строительстве шести ГЭС в двух речных бассейнах (общая установленная мощность — 2217 МВт). Объем инвестиций — 6,3 млрд долл.

2. С 2021 г. в Киргизии функционирует турецкий фонд «Маариф». Благодаря этому в настоящее время в Киргизии действует 21 школа, 16 общежитий и один университет⁴.

Инвестиции Турции в Туркменистан

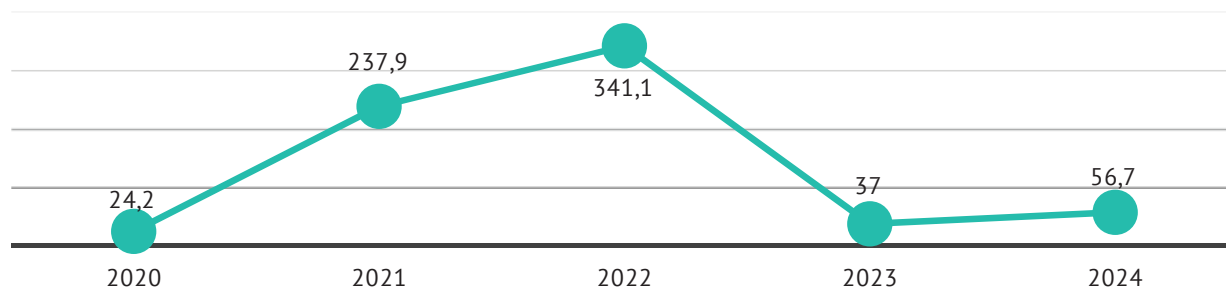
Согласно отчету Министерства торговли Турецкой Республики за 2022 г., объем турецких инвестиций в Туркменистан составлял 1,4 млрд долл.⁵ В настоящее время, по словам президента Турции Р.Т. Эрдогана, турецкими компаниями реализуются 19 проектов объемом 10 млрд долл.⁶ В частности, турецкие компании участвуют в строительстве «умного» города Аркадаг и проекта «Ашхабад-сити».

К факторам, препятствующим прямым иностранным инвестициям в Туркменистан, турецкие эксперты относят отсутствие гарантий для инвестиций, внезапные налоговые проверки предприятий и их закрытие в ходе проверок, визовые процедуры при въезде в страну, препятствующие выезду владельцев бизнеса. Турецкие

⁴ Новостное агентство Киргизии Vesti.kg. (2025, 4 октября). Кыргызско-турецкие отношения продолжают расширяться. URL: <https://vesti.kg/politika/item/144138-kyrgyzsko-turetskie-otnosheniya-prodolzhayut-ukreplyatsya.html> (дата обращения: 21.12.2025).

⁵ Türkiye Cumhuriyeti Ticaret Bakanlığı. (2026, 19 Haziran). Türkiye’de yerleşik gerçek ve tüzel kişilerin yurtdışındaki yatırımları [Инвестиции за рубежом физических и юридических лиц, проживающих в Турции]. URL: <https://ticaret.gov.tr/hizmet-ticaret/yurtdisi-yatirimlar/uluslararası-yatirim-istatistikleri/turkiyede-yerlesik-gercek-ve-tuzel-kisilerin-yurtdisindaki-yatirimlari> (дата обращения: 08.01.2026).

⁶ Турецкие компании реализуют в Туркменистане 19 проектов на \$10 млрд. (2025, 15 декабря). «Нефть и газ Туркменистана — 2025». URL: <https://ogt-turkmenistan.com/ru/ogt-single-news/466> (дата обращения: 15.01.2026).

Рис. 5. Прямые инвестиции Турции в Кыргызстан (2020–2024 гг.), млн долл. (источник: составлено авторами на основе данных Национального Статистического Комитета Кыргызской Республики¹)

Fig. 5. Direct investment from Turkey to Kyrgyzstan (2020–2024), USD million (source: compiled by the authors based on data from the National Statistical Committee of Kyrgyzstan)

¹ Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. (б. д.). Поступление прямых иностранных инвестиций из стран вне СНГ. URL: <https://stat.gov.kg/ru/statistics/investicii/> (дата обращения: 10.01.2026).

инвестиции в Туркменистане сосредоточены в пищевой, строительной, банковской и энергетической отраслях.

Выводы

Изучение инвестиционной политики Китая и Турции в каждую страну Средней Азии позволяет нам прийти к нескольким выводам. Во-первых, объем инвестиций Китая в регион значительно выше, чем Турции — 35,9 млрд долл. против 2,9 млрд долл. (≈12,38 раз). При этом сферы, в которые вкладываются Пекин и Анкара, одинаковые (преимущественно логистика, обрабатывающая промышленность, энергетика). Турция пока доминирует только в образовании, науке, культурных проектах.

Во-вторых, и Китай, и Турция имеют в регионе не только экономический интерес, но и идейно-ценностный. Сам Китай не признает свою политику «экспансионистской», поскольку этот термин не коррелируется с политикой партии. В классической марксистско-ленинской теории «экспансия» не употреблялась в значении какой-либо позитивной цели. Тем не менее, прямое влияние Пекина в Средней Азии в последние 10 лет значительно увеличилось. С одной стороны, это продиктовано 利 (выгодой) Китая в плане рынка сбыта своей продукции, расширения торговли, импорта ресурсов. С другой стороны, Китай представлен в регионе государственными компаниями, подчиняющимися Государственному комитету по контролю и управлению государственным имуществом Китая, либо компаниями со смешанной формой собственности, которые в любом случае подчиняются государственной политике и регулированию.

Кроме того, Китай не списывает государственные долги, возросший долг может быть реструктурирован и «выплачен» в виде предоставления доступа к сырьевым ресурсам страны (как это было, например, с золоторудным месторождением «Верхний Кумарг» в Согдийской об-

ласти). Еще одной стороной является замещение традиционных национальных (и некогда крайне популярных) брендов на китайские. Например, в последние пять лет наблюдается стремительный рост доли китайских марок автомобилей и снижении доли «традиционных» марок региона (Chevrolet, Matiz) — продажи сегодня составляют около 70 % против 30 %. Учитывая консервативность и приверженность устоявшемуся укладу жизни местного населения, такие тенденции влияют на общество изнутри.

У Турции же свои идейно-ценностные интересы, которые она активно продвигает в регионе с распада СССР. Это идея пантюркизма (объединение всех тюрков под началом турок). Из всего региона сквозь эту призму трудно влиять только на Таджикистан, который не является тюркским государством, но это не мешает функционированию здесь турецких институтов «мягкой силы» в лице TİKA и TÜRKSOY.

В-третьих, у обеих стран есть платформы продвижения в регионе своих интересов. У Китая это инициатива «Один пояс — один путь» и весь комплекс инфраструктурных проектов в экономике и политике, сеть институтов Конфуция — в гуманитарной сфере. У Турции это площадка Организации тюркских государств (в рамках которой созданы органы и по политическому, экономическому и гуманитарному сотрудничеству). В рамках этих инициатив оба государства активно инвестируют в страны-участницы в регионе.

Кроме того, необходимо отметить, что Турция заинтересована в инициативе «Один пояс — один путь» и в строительстве инфраструктуры, поскольку это позволяет ей самой стать «центром» на пути Срединного коридора. Другое дело, что она видит угрозу в «долговой» политике Пекина (Basilgan, 2026). Что касается Китая, то он неоднозначно относится к идеологии пантюркизма (с учетом уйгурского фактора) и увеличению идеологического влияния Турции в Средней Азии.

В-четвертых, Казахстан — главный реципиент инвестиций с обеих сторон, однако вложения в Узбекистан значительно и стремительно увеличиваются, что в перспективе может изменить расстановку сил. При этом сами республики публикуют достаточно ограниченные статисти-

ческие данные (иногда совсем не публикуют), поскольку цифры могут оказаться значительно выше (например, Таджикистан). Республики стремятся диверсифицировать свои связи и увеличить поток инвестиций, поэтому в открытом доступе информации сравнительно мало.

Список источников

- Аватков, В. А., Рожкова, З. П. (2023). Узбекистан — страна инноваций? *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика*, 31 (3), 504–516. <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2023-31-3-504-516>
- Ионова, Е. П. (2019). Таджикистан в орбите интересов Китая и России. *Россия и новые государства Евразии*, (3(44)), 107–120. <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2019-3-107-120>
- Ионова, Е. П. (2024). Векторы экономического сотрудничества Узбекистана и Китая. *Россия и новые государства Евразии*, (1(62)), 160–173. <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2024-1-160-173>
- Курылев, К. П., Малышев, Д. В., Станис, Д. В. (2022). Страновое измерение процессов евразийской интеграции в СНГ. *Мировая экономика и международные отношения*, 66(1), 119–128. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-1-119-128>
- Лексютина, Я. В. (2020). Контуры экономического присутствия Китая в Центральной Азии. *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*, 25(25), 305–320. <https://doi.org/10.24411/2618-6888-2020-10018>
- Луконин, С. А. (2015). Инвестиции Китая в Центральной Азии (ТЭК, ресурсы, транспорт). *Россия и мусульманский мир*, (11(281)), 83–95.
- Парамонов, В. В. (2024). *Китай и Центральная Азия: курсом на стратегическое партнерство и экономическую кооперацию (история, современность и будущее отношений Центральной Азии с Китаем в сферах политики, безопасности и экономики)*. Ташкент: Shafoat nur fayz, 152.
- Почта, Ю. М., Гузаеров, Р. И. (2024). Латинизация языка под руководством Турции как инструмент формирования новой идентичности для тюркских постсоветских государств. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*, 26(1), 143–154. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-1-143-154>
- Притчин, С. А. (2024). Турецкая стратегия в отношении Центральной Азии на современном этапе: сильные стороны и ограничители. *Ойкумена. Регионоведческие исследования*, (2(69)), 52–62. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/52-62>
- Притчин, С. А. (2025). Центральноазиатская интеграция: ограничители и перспективы. *Мировая экономика и международные отношения*, 69(3), 63–73. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2025-69-3-63-73>
- Рогожин, А. А. (2023). Экспансия Китая в Узбекистан: экономический аспект. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, (2), 43–56. <https://doi.org/10.20542/afij-2023-2-43-56>
- Рожкова, З. П. (2024). Интересы РФ и КНР в Средней Азии. *Постсоветские исследования*, 7(6), 617–626.
- Рожкова, З. П., Мишин, Л. Д. (2025). Отношения Узбекистана и Турции: от тупика к «братству». *Постсоветские исследования*, 8(6), 706–716.
- Сазонов, С. Л., Ван, Ц., Ли, Ф. (2024). *Сотрудничество КНР и стран-участниц проекта «Пояс и путь» в области развития транспортной инфраструктуры и энергетики*. Москва: ИКСА РАН, 448.
- Tumatay, G., Gu, J., & Zhantore, U. (2024). The impact of China's direct investment on energy industry development in Kazakhstan. *Central Asian Economic Review*, (2(155)), 77–89. <https://doi.org/10.52821/2789-4401-2024-2-77-89>
- 李建民 [Ли, Ц.] (2022). 中国与中亚经济合作30年—政策演进、重点领域进展及未来发展路径 [30 лет экономического сотрудничества между Китаем и Центральной Азией: эволюция политики, прогресс в ключевых областях и будущий путь развития]. *俄罗斯研究. 第5卷第74-94 页 [Исследования России]*, (5), 74–94.
- Басылган, М. (2026). Çin'in yeni ipek yolu vizyonu ve Türkiye'ye yansımaları [Новое видение Шелкового пути Китаем и его отражение на Турции]. *Ekonomi Bilimleri Dergisi [Журнал экономических наук]*, 18(1), 43–68. <https://doi.org/10.55827/ebd.1702459>
- Гонджа, И. Б., Кодаман, Т. (2016). Jeoekonomik Hayaller: Çin'in Yeni İpek Yolu Girişimi'nin Orta Asya'da Algısı [Геоэкономические мечты: Восприятие новой китайской инициативы «Шелковый путь» в Центральной Азии]. *İnsan ve Toplum Bilimleri Araştırmaları Dergisi [Журнал исследований в области гуманитарных и общественных наук]*, 5(5), 1251–1261. <https://doi.org/10.15869/itobiad.17865>
- Демиркая, И., Челик, Ф. (2021). Uluslararası ilişkilerde kamu ve sivil toplum kuruluşlarının stratejik işbirliği: TİKA faaliyetleri analizi [Стратегическое сотрудничество государственных и неправительственных организаций в международных отношениях: анализ деятельности ТІКА]. *Oğuzhan Sosyal Bilimler Dergisi [Журнал социальных наук Огузхана]*, 3(2), 125–149.
- Хуррамов, Х. М., Гулямова, Г. С. (2025). O'zbekiston va Xitoy o'rtasidagi savdo aloqalari (2018–2024) [Торговые отношения между Узбекистаном и Китаем (2018–2024)]. *Raqamli iqtisodiyot [Цифровая экономика]*, 11, 1994–2007.

References

- Avatkov, V. A. & Rozhkova, Z. P. (2023). Uzbekistan: A Country of Innovations? *Vestnik Rossiyskogo Universiteta Druzhby Narodov. Seriya: Ekonomika [RUDN Journal of Economics]*, 31 (3), 504–516. <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2023-31-3-504-516> (In Russ.)
- Basilgan, M. (2026). Çin'in yeni ipek yolu vizyonu ve Türkiye'ye yansımaları [China's New Silk Road Vision and its Reflections on Turkey]. *Ekonomi Bilimleri Dergisi [Journal of Economic Sciences]*, 18(1), 43–68. <https://doi.org/10.55827/ebd.1702459> (In Turkish)
- Demirkaya, Y., & Celik, F. (2021). Uluslararası ilişkilerde kamu ve sivil toplum kuruluşlarının stratejik işbirliği: TİKA faaliyetleri analizi [Strategic Cooperation of Public and Civil Society Organizations in International Relations: TİKA Activities Analysis]. *Oğuzhan Sosyal Bilimler Dergisi [Oguzhan Journal of Social Sciences]*, 3(2), 125–149. (In Turkish).
- Gonca, I. B., & Kodaman, T. (2016). Jeoekonomik hayaller: Çin'in yeni ipek yolu girişi'nin Orta Asya'da algısı [Goeconomic Dreams: Perception of China's New Silk Road Initiative in Central Asia]. *İnsan ve Toplum Bilimleri Araştırmaları Dergisi [Journal of Human and Society Sciences Research]*, 5(5), 1251–1261. (In Turkish).
- Ionova, E. P. (2019). Tajikistan in the Orbit of Interests of China and Russia. *Rossiya i Novye Gosudarstva Yevrazii [Russia and the New States of Eurasia]*, (3(44)), 107–120. <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2019-3-107-120> (In Russ.)
- Ionova, E. P. (2024). Vectors of Economic Cooperation between Uzbekistan and China. *Rossiya i Novye Gosudarstva Yevrazii [Russia and the New States of Eurasia]*, (1(62)), 160–173. <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2024-1-160-173> (In Russ.)
- Kurylev, K., Malyshev, D., & Stanis, D. V. (2022). The Country Dimension of Eurasian Integration in the CIS Space. *World Economy and International Relations*, 66(1), 119–128. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-1-119-128> (In Russ.)
- Leksyutina, Ya. V. (2020). The Outlines of China's Economic Presence in Central Asia. *Kitay v Mirovoy i Regional'Noy Politike. Istoriya i Sovremennost' [China in World and Regional Politics. History and Modernity]*, 25(25), 305–320. <https://doi.org/10.24411/2618-6888-2020-10018> (In Russ.)
- Li, J. (2022). Zhongguo yu zhong ya jingji hezuo 30 nian——zhengce yanjin, zhongdian lingyu jinzhan ji weilai fazhan lujing [30 Years of Economic Cooperation between China and Central Asia: Policy Evolution, Progress in Key Areas and Future Development Path]. *Eluosi yanjiu [Russian Studies]*, (5), 74–94.
- Lukonin, S. A. (2015). China's Investments in Central Asia (Fuel and Energy Complex, Resources, Transport). *Rossiya i Musul'manskiy Mir [Russia and the Moslem World]*, (11(281)), 83–95. (In Russ.)
- Paramonov, V. V. (2024). *Kitay i Tsentral'naya Aziya: Kursom na Strategicheskoye Partnerstvo i Ekonomicheskuyu Kooperatsiyu (Istoriya, Sovremennost' i Budushcheye Otnosheniy Tsentral'noy Azii s Kitayem v Sferakh Politiki, Bezopasnosti i Ekonomiki) [China and Central Asia: towards Strategic Partnership and Economic Cooperation (History, Present and Future of Central Asia's Relations with China in the Fields of Politics, Security and Economy)]*. Tashkent: Shafolat nur fayz, 152. (In Russ.)
- Pochta, Yu. M., & Guzaerov, R. I. (2024). Latinization of the Language Under the Leadership of Turkey as a Tool for the Formation of a New Identity for the Turkic Post-Soviet States. *Vestnik Rossiyskogo Universiteta Druzhby Narodov. Seriya: Politologiya [RUDN Journal of Political Science]*, 26(1), 143–154. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-1-143-154> (In Russ.)
- Pritch, S. A. (2024). Turkish Strategy Towards Central Asia at the Present Stage: Strengths and Constraints. *Oykumena. Regionovedcheskie Issledovaniya [Ojkumena. Regional Researches]*, (2(69)), 52–62. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/52-62> (In Russ.)
- Pritch, S. A. (2025). The Integration in Central Asia: Restrictions and Perspectives. *Mirovaya Ekonomika I Mezhdunarodnye Otnosheniya [World Economy and International Relations]*, 69(3), 63–73. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2025-69-3-63-73> (In Russ.)
- Rogozhin, A. A. (2023). China's Expansion into Uzbekistan: The Economic Aspect. *Analiz i Prognoz. Zhurnal Imemo RAN [Analysis and Forecast. Journal of IMEMO RAS]*, (2), 43–56. <https://doi.org/10.20542/afj-2023-2-43-56> (In Russ.)
- Rozhkova, Z. P. & Mishin, L. D. (2025). Uzbekistan-Turkey Relations: From Deadlock to "Brotherhood." *Postsovetskie Issledovaniya [Post-Soviet Studies]*, 8(6), 706–716. (In Russ.)
- Rozhkova, Z. P. (2024). Russia and China's Interests in Central Asia. *Postsovetskie Issledovaniya [Post-Soviet Studies]*, 7(6), 617–626. (In Russ.)
- Sazonov, S. L., Wang, Q., & Li, F. (2024). *Sotrudnichestvo KNR i Stran-Uchastnits Proekta «Poyas i Put'» v Oblasti Razvitiya Transportnoy Infrastruktury i Energetiki [Cooperation Between China and the Participating Countries of the Belt and Road Project in the Field of Transport Infrastructure and Energy Development]*. Moscow: ICCSA RAS, 448. (In Russ.)
- Tumatay, G., Gu, J., & Zhantore, U. (2024). The Impact of China's Direct Investment on Energy Industry Development in Kazakhstan. *Central Asian Economic Review*, (2(155)), 77–89. <https://doi.org/10.52821/2789-4401-2024-2-77-89>
- Xurramov, X. M., & Gulyamova, G. S. (2025). O'zbekiston va Xitoy o'rtasidagi savdo aloqalari (2018–2024) [Trade Relations Between Uzbekistan and China (2018–2024)]. *Raqamli iqtisodiyot [Digital Economy]*, 11, 1994–2007. (in Uzbek)

Информация об авторах

Аватков Владимир Алексеевич — доктор политических наук, доцент, заведующий Отделом Ближнего и Постсоветского Востока, Институт научной информации по общественным наукам РАН; Scopus Author ID: 55968832200; <https://orcid.org/0000-0002-6345-3782> (Российская Федерация, 117418, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21; e-mail: v.avatkov@gmail.com).

Рожкова Злата Петровна — младший научный сотрудник Отдела Ближнего и Постсоветского Востока Института научной информации по общественным наукам РАН; <https://orcid.org/0009-0008-3664-6010> (Российская Федерация, 117418, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21; e-mail: z.p.rozhkova@gmail.com).

About the authors

Vladimir A. Avatkov — Dr. Sci. (Politics), Associate Professor, Head of the Department of the Middle and Post-Soviet East, Institute of Scientific Information on Social Sciences RAS; Scopus Author ID: 55968832200; <https://orcid.org/0000-0002-6345-3782> (51/21, Nakhimovsky Prospect, Moscow, 117418, Russian Federation; e-mail: v.avatkov@gmail.com).

Zlata P. Rozhkova — Junior Researcher, Department of the Middle and Post-Soviet East, Institute of Scientific Information on Social Sciences RAS; <https://orcid.org/0009-0008-3664-6010> (51/21, Nakhimovsky Prospect, Moscow, 117418, Russian Federation; e-mail: z.p.rozhkova@gmail.com).

Использование средств ИИ

Авторы заявляют о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

All authors declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

All authors declare no conflict of interests.

Дата поступления рукописи: 25.01.2026.

Прошла рецензирование: 12.05.2026.

Принято решение о публикации: 03.07.2026.

Received: 25 Jan 2026.

Reviewed: 12 May 2026.

Accepted: 03 Jul 2026.